Оклеветанный старец

Максимов Юрий

Предложенные ниже читательскому вниманию строки я написал еще до отшествия батюшки о. Николая Гурьянова ко Господу. Года не прошло, как мы были у него. Поездка оставила уникальное, небывалое ощущение: словно ожило все то, что так часто было читано на страницах древних патериков и святоотеческих писаний...

Но были, к сожалению, и некоторые моменты, оставившие смущение: это имело отношение не к самому батюшке, но к отдельным людям, окружавшим его, которые самочинно злоупотребляли авторитетом о. Николая, чему я сам был свидетелем. К сожалению, как я и опасался, это самочиние только усилилось и окрепло после смерти дорогого старца. В некоторых изданиях стали появляться чудовищные публикации с приписываемыми ему кощунственными утверждениями (типа одобрения канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина), порочащими батюшку (как, например, «Русский Вестник», 2002, № 33–34).

Известно, что еще при жизни о. Николай сам опровергал грязные сплетни вокруг его имени (как, например, что будто он благословлял заочно крестить абортивных младенцев и т.п.). Но со всем валом подобной хулы, которая, увы, по злобе бесовской нередко сопровождает великих святых (вспомним св. Иоанна Кронштадтского и секту иоаннитов, обожествлявших его), справиться было едва ли возможно. И уж тем более смелыми стали такие хулители после того, как старец по плоти оставил нас. Сего ради я решился опубликовать свои записи, в надежде, что мое скромное свидетельство очевидца хоть в какой-то степени поможет избавить светлое имя батюшки от кощунственной клеветы.

Это Рождество я встречал на острове Залит. Поездка сия была для меня очень значима и оставила очень много теплых, дорогих воспоминаний. Но писать я решился здесь не о них, а о том, чему свидетелем я явился и что смутило меня, и не только меня.

Стояла оттепель. Мы шли по белому застывшему озеру. Впереди, в голубой дымке, все резче выявлялись очертания острова, усеянного крышами домов, над которыми высоко возвышался шпиль церкви. Над островом, большой прорехой среди темно-синих туч, светилось нежно-розовое небо. Сзади, за спиною, небо сгущалось еще сильнее. В другое время года наверняка пошел бы сильный дождь.

И вот, наконец, мы на острове. У церкви спрашиваем, как дойти до батюшки. Нам указывают — повернуть направо. Сразу за поворотом стал виден крохотный домик. Залит — остров небольшой, поэтому и дома здесь строятся небольшие, и хозяйство располагается очень компактно, так что глазу, привыкшему к просторным избам обычных русских деревень, все они кажутся маленькими. Домик же батюшки был маленьким даже по залитским меркам.

Нас обогнал роскошный черный джип, который остановился прямо у домика о. Николая. Открылись дверцы, и наружу вышли 5–6 полных, повязанных платочками православных дам средних лет и бойко направились к калитке. Мы поспешили туда же.

— Можно будет сегодня батюшку увидеть? — спросила моя спутница.

— Нет, — важно отрезала женщина, идущая впереди.

— А записку передать?

— Нет, — повторила православная дама, остановилась и отвернулась к деревянной дверце, ожидая, пока кто-нибудь выйдет из домика.

Другая дама, посмотрев на нас, замахала рукой и проговорила шепотом:

— Можно, можно.

Мы достали записки и стали за женщинами. Ждать пришлось недолго — минут через пять дверка домика открылась, появилась невысокая пожилая женщина в черном и засеменила по протоптанной в снегу дорожке к калитке. Вынимая по дороге из кармана толстую, перевязанную стопку иконок, матушка, подойдя к калитке, стала раздавать иконки, внимательно следя за тем, чтобы досталось каждому из пришедших. Получив, я посмотрел на изображение и остолбенел. На золотом фоне стояли три фигуры — справа налево: «мученик» Григорий (Распутин), «святой благоверный» Иоанн (Грозный) и святой Василий Блаженный с очень скорбным выражением лица — видимо, из-за столь незавидного соседства.

В это время келейница беседовала с дамами из джипа — они оказались ее хорошими знакомыми. Дамы передали привезенные продукты и записки, сунули свои записки и мы. Матушка-келейница удалилась, наказав ждать. Мы стояли наедине со своими мыслями, вдыхали влажный январский воздух и слушали тишину. В ожидании ответов батюшки забылась даже «странная» икона, отправленная на заточение в карман куртки.

Ждать пришлось недолго. Пожилая женщина, забравшая наши записки, вернулась и стала возвращать их. Естественно, мы поспешили обратиться к нашей и с волнением и трепетом прочитали ответы старца Николая — и какие чудные, замечательные ответы! Слава Богу! Слава Богу!

Из радостных дум вывел деловой голос келейницы:

— Так, у кого здесь был судебный вопрос? У кого был судебный вопрос?

Женщины из джипа, также углубленные в ответы батюшки, не сразу сообразили, что от них требуется. Наконец откликнулась та из них, которая писала «судебный вопрос».

— Молись святому Иоанну Грозному, — внушительно посоветовала матушка. — Он очень хорошо помогает. Он ведь и сам столько справедливых законов принял.

Тут подошла еще одна наша спутница — пожилая женщина, ехавшая с двумя внучками из Москвы в одном вагоне с нами. Она хотела передать о. Николаю записку с просьбой, чтобы он помолился о некоторых особо нуждающихся в том людях. Но ей повезло меньше, чем нам. — Что вы все ко мне приходите? — несколько нетерпеливо спросила матушка-келейница, хотя женщина пришла, собственно, совсем не к ней. — Вот, ему молитесь, мученику Григорию, — и она махнула рукой в сторону кладбища. Мы все невольно оглянулись, и я только сейчас заметил, что кладбищенские ворота разрисованы яркими, аляповатыми изображениями. — Он столько пред Господом за государя пострадал, вот его Бог и прославил, видишь, сам проявился.

Женщины из джипа заохали:

— Сам? Обновился? Чудо-то какое! Ой, а я и не посмотрела даже...

Волей-неволей пришлось перейти дорогу и подойти к воротам. По всему было видно, что «чудесно обновленные» изображения появились здесь очень недавно и принадлежат руке, мягко говоря, не самого талантливого художника. По обеим сторонам ворот в четырех кругах были довольно бездарно нарисованы лица великих княжон-страстотерпиц. На самом верху размещалось маленькое изображение Христа. А справа сверху смотрел на нас «великомученик Григорий». Если на маленькой иконке он был изображен весьма реалистично (иконописец добросовестно постарался передать даже знакомый по фотографиям бешеный взгляд и знаменитые сапоги), то здесь Распутин был изображен более вольно — в белых, развевающихся одеждах,

напоминающих смирительную рубашку, и с весьма растрепанными бородой и бровями...

До сей поездки для меня оставался непонятным психологический механизм возникновения церковных апокрифов. «Как же так? — думал я. — Вот живет себе человек, считает себя православным, почитает какого-то святого или некоего человека как святого, затем сам сочиняет некий текст и выдает его за текст праведника. Это же подлог, вполне очевидный для того, кто его совершает, очевидная ложь. Как же можно одновременно и почитать святого, и лгать на него?» На острове я понял, как.

«Матушка N, — рассказывает нам прихожанка залитской церкви, — прожила при батюшке восемь лет. И теперь она знает, что батюшка думает по любому поводу, знает его ответ на любой вопрос. Так что если она что-то говорит — то не от себя, она говорит то же, что сам батюшка сказал бы».

Такая логика объясняет все и позволяет все. Если искренне считать, что все, что приходит к тебе в голову, — это мысли старца, то тогда уже неудивительно поведать их кому-то еще или даже запечатлеть на бумаге. И логика сия, как я заметил, не только разделяется, но и насаждается самой матушкой-келейницей. <...>

Насаждая культ Г.Е. Распутина, нечестивую жизнь коего обличали святой Иоанн Кронштадтский, святая преподобномученица Елизавета и священномученик Владимир Киевский, а также Ивана Грозного, убившего в числе тысяч простых православных христиан святителей Филиппа и Германа Московских и преподобного Корнилия Псково-Печерского, эти люди попросту глумятся над Православием. Я не говорил с самим о. Николаем по этому поводу и не знаю, что он сам думал обо всем этом. Впрочем, я разговаривал со многими людьми, которые общались лично с батюшкой еще тогда, когда он был в силах и даже служил, и ни один из них не сослался на то, что слышал из уст самого батюшки о святости вышеозначенных лиц или получал какие-либо их «иконки» (когда батюшка собственноручно дарил иконки приходящим к нему, все они, разумеется, были православные). Но я видел механизм возникновения и распространения этого соблазна, и о том, что видел, о том свидетельствую. И я видел, что воля самого о. Николая для этого механизма не нужна. И даже «иконки» нетрудно в батюшкин иконостас подставить — ведь в последний год батюшка даже не мог самостоятельно встать с постели! И из расшифровки аудиозаписи трехстороннего разговора старца Николая с архимандритом Тихоном и келейницей об ИНН видно, как келейница пытается склонить о. Николая к осуждению ИНН: мол, это те номера, батюшка, которые вы уже осуждали, вспомните... Но старец, несмотря

на эту «подсказку», не «вспоминает»! И не осуждает! Это — реальный документ, который меня еще больше утверждает в уверенности о непричастности о. Николая к мифотворчеству окружающих его людей.

Читая в раздумьях Книгу Откровения, я наткнулся вдруг на слова, до сего раза бывшие вне моего внимания: *Ангелу Фиатирской церкви напиши: так говорит Сын Божий, у Которого очи, как пламень огненный, и ноги подобны халколивану: знаю твои дела и любовь, и служение, и веру... Но имею немного против тебя, потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих...* (Апок. 2:18–20). Сколько же ныне у нас таких иезавелей, которым мы не только попускаем, но и доверяем!

Благодатный огонь, №10, 2003